

Печать Парижского университета. Конец XIII в.

ти. Обыкновенно в армии один из великих баронов начальствовал авангардом, а другой – арьергардом. Каждый день эти вожди совещались о месте, где им следует расположиться лагерем. В этот день авангардом командовал Готфрид из Ранкона, знатный владетель Пуату, несший королевское знамя, которое обыкновенно предшествовало знамени св. Дионисия, называемому *орифламмой*. Было решено, чтобы авангард расположился на вершине горы и провел там ночь. Когда Готфрид прибыл на назначенное место, ему показалось, что можно еще идти далее и что солнце стоит высоко. Предводительствовавшие отрядами также советовали ему оставить вершину горы и указывали на красивую долину внизу, где они могли бы удобно расположиться. Ранкон слишком поддался такому совету и, чтобы достигнуть засветло указанного места, ускорил шаг. Между тем арьергард, уверенный по сделанному условию, что Готфрид остановится на вершине горы и там раскинет палатки, и не подозревая, что он пошел дальше, следовал за ним медленно и лениво. Турки же, наблюдавшие за христианской армией на небольшом расстоянии, заметили, что те два отряда весьма отделились друг от друга и что на вершине горы остались одни пешие люди и безоружные, а потому сочли такое время самым удобным для нападения на христиан. Дорога, которая вела на гору, была, кроме того, узка и обрывиста; турки поняли, что было бы трудно подняться на нее и соединиться для битвы; вследствие того они быстро поскакали на лошадях и, овладев возвышением, преградили дорогу таким образом, что арьергард не мог бы иначе достигнуть авангарда, как под их мечом и стрелами. Они нача-

ли нападение издали, стреляя из луков; потом, приблизившись, вступили в рукопашную. Положение христианской армии было печально. Люди не могли подниматься на гору иначе как поодиночке и по узкой, обрывистой тропинке; оба отряда стояли далеко друг от друга и не могли оказывать взаимной помощи. Сверх того по дороге было разбросано столько поклажи и вьючного скота, что самые отважные воины, торопившиеся напасть на неприятеля, были задержаны всеми теми препятствиями. Многие из наших погибли при первом столкновении. Однако мало-помалу самые мужественные из воинов успели соединиться; они воодушевляли друг друга, говоря, что турки народ без силы и храбрости, как то они и доказали недавно на равнинах Меандра. Поддерживая таким образом один другого, они успели соединиться со всех сторон и, защищаясь, мужественно бились. Со своей стороны и неверные воодушевляли друг друга к бою, вспоминая, как они победили императора и его армию, хотя он был знатнее и могущественнее короля Франции.

Долгое время дрались с обеих сторон с ожесточением и яростью. Пока храбрейшие из французских воинов могли защищаться, они производили страшное опустошение в рядах неприятеля. Но турки были столь многочисленны, что всякий раз, когда одни, утомленные и израненные, удалялись с поля битвы, их немедленно замещали свежие отряды. Наши же, не имея такого преимущества, не могли потому долго переносить тяжести боя и наконец начали уступать, изнеможенные от усталости и ран. Многие были убиты, многие попали в плен и были отягчены цепями.

Христианская армия потеряла четырех из своих знатнейших и храбрейших воинов: графа Гаронсы, Гоше из Монгэ, Эврара из Бретейля и Итье из Маньяка; неизвестно, погибли ли они или попали в плен. Много и других воинов приняло в этот день мученический венец; хотя приговоры Божества не должны быть обсуждаемы, как праведные и непогрешимые, но люди считали странным то обстоятельство, что французы, народ самый благочестивый и строго ис-